

JOLANTA BRZYKCY

<http://orcid.org/0000-0001-9563-0723>

Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu

ТВОРЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ГИЗЕЛЛЫ ЛАХМАН В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

GISELLA LAKHMAN'S CREATIVE STRATEGY
IN THE CONTEXT OF LITERARY AND SOCIAL MECHANISMS OF RUSSIAN EMIGRATION

The article concerns Gisella Lakhman (1895–1969), a forgotten poet of the first wave of Russian emigration. Its aim is to discuss Lakhman's creative strategy in the context of main mechanisms and processes for the literary life of Russian interwar and post-Second World War diaspora, such as extremely difficult living conditions, deprofessionalization of the writer's profession, a sharp reduction in the reading market, loss of ties with the native culture and language, and geographical fragmentation of the literary community. The new conditions of Russian literature abroad influenced Lakhman's creative strategy, above all her late debut in the 1940s. The reasons and results of her decision are presented, as well as her position on the literary scene of the Russian diaspora, and the reception of her work.

Keywords: Russian emigre poetry, Russian female poetry, Russian diaspora literary life

Гизелла Сигизмундовна Лахман принадлежит к забытым поэтессам русского зарубежья, ее скромное, в количественном смысле, наследие в принципе не привлекало внимания издателей и исследователей, за исключением сборника стихов, изданного в Украине 25 лет тому назад¹, и нескольких статей².

¹ Г. Лахман, *Избранная поэзия*, Триумф, Киев 1997, <http://ju.org.ua/ru/literature/749.html> (20.07.2021). Все стихи Лахман цитирую в данной статье по указанному электронному источнику.

² Ю. Левинг, «Ахматова русской эмиграции» — *Гизелла Лахман*, «Новое литературное обозрение» 2006, № 5, с. 164–173, <https://magazines.gorky.media/nlo/2006/5/ahmatova-russkoj-emigraczii-gizella-lahman.html> (14.09.2021); О.К. Федорук, *Ліричне диво Гізели Лахман // того же, Перетин знаку: Вибрані мистецтвознавчі статті: У 3 кн., кн. 2: Українська культура*

Если творчество Лахман уместно назвать нерепрезентативным для литературы русского зарубежья в целом, то сам факт этой нерепрезентативности весьма показателен для нее, ибо позволяет в индивидуальном творческом пути поэтессы выявить общие механизмы, регулирующие русскую литературу в изгнании. Условия ее функционирования вне России ни в чем не напоминали тех, к которым привыкли писатели до 1917 года. Оказавшись в эмиграции, они встали перед рядом таких новых для себя проблем, как бытовая неустроенность, крушение социально-психологических устоев, резкое понижение социального статуса, депрофессионализация, вызванная сужением издательского и читательского рынков, повлекшим за собой необходимость зарабатывать на жизнь не только литературным трудом, оторванность от родного языка и др. На чужбине изменились почти все закрепившиеся многолетней традицией формы производства, распространения и рецепции русской литературы, что определило эстетический и идейный облик ее эмигрантской ветви и привело к таким характерным для нее явлениям, как «миссия русской эмиграции», «незамеченное поколение», журнальная полемика по поводу кризиса литературы, лишенной национальной почвы, и т.п. Сложные «правила игры» влияли и на судьбы писателей и поэтов, требовали от них, особенно от молодого поколения, психофизической выносливости и креативности. Литературный успех обходился большими усилиями и применением нестандартных мер, при этом далеко не всегда гарантировался. Распространенными были случаи полного отказа от творчества или ухода из него в пограничные сферы писательской активности (Владислав Ходасевич, бросивший поэзию в пользу литературной критики и публицистики), нередкими — примеры билингвизма или пересадки в другой язык (Владимир Набоков, Лев Гомолицкий, Анри Труайя).

Писательский путь Лахман формировался под непосредственным воздействием намеченных факторов. Самым характерным и загадочным его признаком является несовпадение с общепринятыми хронологическими рамками первой волны русской эмиграции. В биографическом плане поэтесса отлично

рологія. Історія та теорія мистецтва. Постаті. Народна творчість. Рецензії, Фенікс, Київ 2007, с. 9–26; J. Brzykcy, *Эмиграционная философия путешествия Гизеллы Лахман (поэтический цикл «Путевая тетрадь»)*, «Przegląd Rusycystyczny» 2022, № 2, с. 121–140.

в нее укладывается, о чем свидетельствует дата ее выезда из России (1919). Стоит сразу уточнить, что по дате рождения (1895)³ Лахман представляет младшее поколение эмигрантов. Однако с точки зрения дебюта ее принадлежность к литературе первой волны уже не так очевидна. Точную дату прихода Лахман в литературу нельзя установить, источники расходятся в этом вопросе. Так, по Вадиму Крейду поэтесса пробовала писать еще в «русском Берлине», в 1920-е годы, но посчитав свои тогдашние стихотворения дилетантскими, бросила поэзию на долгое время⁴. В свою очередь Елена Малоземова замечала в 1945 году, что Лахман «В свои молодые годы [...] никогда не писала стихов, и только недавно [...] почувствовала особый порыв творчества»⁵. Сообщав о публичном выступлении Лахман на вечере объединения русских поэтов, произошедшем в 1945 году в Нью-Йорке, Малоземова представила немолодую уже поэтессу как полного новичка. Сама Лахман в автобиографической заметке, прикрепленной к набору ее стихов в антологии *Содружество*, также признавалась, что «[...] стихи начала писать только в Америке, с 1943 года. Впервые стихи появились в печати в 1944 году [...]»⁶. Поэтесса затронула эту тему также в одном из стихотворений, написанном в 1944 году: «Как много-много лет тревожных, но безгласных / Таился от меня свободной музы лик». Примечательным является и тот факт, что первая книга стихов Лахман открывалась произведением, написанным в 1952 году, в котором лирический субъект сомневается в ценности своего поэтического дарования и в целесообразности делиться его результатами с читателем: «В скучных книгах столько скучных песен... / И кому нужна еще одна?». Выдвижение данной фразы на сильную, инициальную позицию сборника не было лишено некоего кокетства, рассчитанного на читательскую снисходительность,

³ Привожу за: В. Крейд, *Лахман Гизелла Сигизмундовна*, «Новый исторический вестник» 2001, № 3 (5), с. 190–192. Источники расходятся в обеих указанных датах, однако не больше чем на несколько лет. Ср.: *Лахман Гизелла* // Е. А. Александров, *Русские в Северной Америке. Биографический словарь*, ред. К. М. Александров, А. В. Терещук, Конгресс русских американцев — Санкт-Петербургский государственный университет, Хэмден — Сан-Франциско — Санкт-Петербург 2005.

⁴ В. Крейд, *Лахман Гизелла...*, с. 190.

⁵ Цит. по: Ю. Левинг, «Ахматова русской эмиграции...» .

⁶ *Содружество. Из современной поэзии Русского Зарубежья*, Издательство Русского книжного дела в США Victor Kamkin Inc., Вашингтон 1966, с. 529.

но эти строки могут восприниматься и как артистическое выражение неуверенности в себе, ставшей причиной многолетнего молчания поэтессы.

Даже если Лахман на самом деле занималась поэзией в молодости, то поскольку ее писательские пробы не повлекли за собой никакой публикации, обоснованно счесть, что в литературу русского зарубежья она пришла лишь в середине 1940-х годов, одновременно с поэтами-эмигрантами второй волны. За первыми стихами, опубликованными в 1940-х годах в эмигрантской периодике и антологии *Четырнадцать* (1949), последовали два небольших сборника: *Пленные слова* (1952) и, изданные за четыре года до смерти, *Зеркала* (1965), которые, несмотря на одобрительные оценки рецензентов⁷, не принесли поэтессе широкой известности.

С точки зрения возраста Лахман, которой в момент выступления на вечере в Нью-Йорке исполнилось 50 лет, ее дебют следует назвать запоздалым. В отличие от своих ровесниц: Нины Берберовой, Ирины Одоевцевой, Ирины Кнорринг и др., встраивавших себя в эмигрантскую литературную «табель о рангах»⁸ в межвоенный период, Лахман сделала это спустя два десятилетия, когда многих ее «со-сестер» по перу уже не было в живых, а в литературу русской эмиграции приходили представители второй волны, с другим жизненным опытом, иными навыками и настроениями, нередко с печатью «советчины»⁹.

Указанное несовпадение осложняется за счет поэтики стихов Лахман. Не укладываясь во временные рамки первой волны, они неотделимы от нее по своим типологическим признакам, что обусловлено общностью художественного самопознания и эстетического опыта и сходством индивидуального стилизовочного облика поэтессы с эмигрантским каноном, сформировавшимся в межвоенное время. В его основу легло стремление сохранить в условиях эмиграции классическое литературное наследие, защитить национальное своеобразие литературы, возникавшей вдалеке от родины, как от вредных влияний современного западного искусства, так и от советских искажений. Среди эми-

⁷ Их обзор см. в: Ю. Левинг, «Ахматова русской эмиграции...».

⁸ О.Р. Демидова, *Эмигрантские дочери и литературный канон русского зарубежья // Пол. Гендер. Культура*, РГГУ, Москва 2000, т. 2, с. 196.

⁹ Г. Струве, *Русская литература в изгнании*, YMCA Press — Русский путь, Париж–Москва 1996, с. 257.

грантов, особенно старшего поколения, которые считали себя преемниками и продолжателями русской литературы дооктябрьского периода, распространенными были призывы к самоизоляции, понимаемой как сохранение «чистоты риз»¹⁰, культивирование консервативной тематики и модуса письма. Им сопутствовало неприятие «неклассических» форм стиха и прозы. Стиливым фундаментом литературы первой волны стала поэтическая культура Серебряного века, а также, принятая ее посредством, культура золотого века русской поэзии, с Пушкиным и Лермонтовым во главе¹¹.

В период творческой активности Лахман, на стыке двух волн эмиграции, этот идейно-эстетический профиль был еще обязующим. Приверженность к нему имела знаковый характер, служила оценочным критерием художественных компетенций поэтов. К примеру Георгий Иванов в рецензии на сборники представителей новой эмиграции, Дмитрия Кленовского и Ивана Елагина, сопоставлял их как культурных оппонентов, художников разных складов — дореволюционного и советского — и придавал им яркую оценочную характеристику:

Кленовский сдержан, лиричен и для поэта, сформировавшегося в СССР, до странности культурен. [...] по всему он «наш», а не советский поэт. [...] И. Елагин, напротив, ярко выраженный человек советской формации. Елагин, возможно, талантливей Кленовского. Он находчив, боек, размашист, его стихи пересыпаны блестками удачных находок. Но все опубликованное им до сих пор так же талантливо, как поверхностно, почти всегда очень ловко, но и неизменно неглубоко. Каждая строчка Кленовского — доказательство его «благородного происхождения». Его генеалогическое древо то же, что у Гумилева, Анненского, Ахматовой и О. Мандельштама. И. Елагин — в противоположность Кленовскому — один из «не помнящих родства», для которых традиция русской поэзии началась с «Пролеткультом» и Маяковским¹².

¹⁰ О. Р. Демидова, *Эмигрантские дочери...*, с. 217.

¹¹ Ср.: А. Леденев, *О некоторых тенденциях стиливого самоопределения в русской литературе первой волны эмиграции* // W. Skrunda (ред.), *Studia Rossica XII: Literatura rosyjska na rozdrożach XX wieku*, Wydawnictwo Studia Rossica, Warszawa 2001, с. 99–115.

¹² Г. В. Иванов, *Поэзия и поэты*, «Возрождение» 1950, № 10, с. 179. Примечательно в этом отношении мнение французского слависта Ренэ Герра, который так же дифференцирует писателей послеоктябрьской и послевоенной эмиграции, но при этом и Елагина, и Кленовского причисляет к последней: «Для меня писатели второй волны — люди советской формации, которые в 20-е и 30-е годы жили в СССР, и на них не могли не сказаться больше двадцати лет ‘советчины’. Все они носили в себе ‘совковский’ опыт,

В полемике «архаиков» и «новаторов» Лахман встала на сторону хранителей литературной традиции, что заявила ритмико-звуковой канвой стихотворений, соблюдением строгих правил силлабо-тонической системы, благородностью поэтического словаря, плавностью синтаксиса, а также интертекстуальными ссылками на русскую классику (Василия Жуковского, Федора Тютчева, Льва Толстого и др.). Связь с ней выражалась поэтессой также непосредственно, например, в стихотворении *Терцины*, ставшем по тематике ее эстетическим манифестом, а по времени публикации (1966 год) своего рода художественным завещанием:

Минувших лет классический размер
Мне нравится — хочу писать терцины.
Пусть сердится новатор изувер [...].

Совпадение с второй волной не означало эстетической общности поэтессы и ее молодых коллег. Напротив, Лахман немедленно стала позиционироваться на литературном рынке русской диаспоры как продолжательница классических традиций. Владимир Ильяшенко по поводу *Пленных слов* писал: «[...] этим сборником [...] было еще раз доказано, что никакой необходимости в искажении (русского языка) ‘маяковщиной’ не было»¹³, а Юрий Терапиано в композиционной стройности и ясности стихотворений второй книги Лахман усматривал дань акмеизму и неоклассицизму¹⁴.

Одновременно, по всей вероятности, поэтесса заняла нейтральную позицию в той полемике, которая развернулась между довоенной и послевоенной эмиграцией как результат разного жизненного и исторического опыта:

[...] представители обеих волн воспринимались как «русские», однако, по сути дела, они были выходцами из двух разных стран и представляли две

естественно, неведомый писателям первой волны эмиграции. Кто был обижен советской властью (Н. Нароков, О. Анстей, И. Елагин), кто был внутренним эмигрантом (Д. Кленовский), кто пострадал и попал в сталинский ГУЛАГ (Н. Ульянов, Б. Филиппов, Ю. Трубецкой)». И. Мянновская, Л. Звонарева, Р. Герра, *Дискуссия: Владимир Агеносов. Восставшие из небытия. Антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции. Москва–Санкт Петербург 2014, 734 с.*, «Polilog. Studia Neofilologiczne» 2014, № 5, с. 325.

¹³ Цит. по: Ю. Левинг, «Ахматова русской эмиграции...».

¹⁴ Цит. по: там же.

разные культуры и системы ценностей: старую русскую и новую советскую, и вызванная этим обстоятельством несовместимость сделалась очевидной практически сразу. Одно из основных отличий двух волн друг от друга заключалось в отношении к России (СССР) и Западу. «Старые» эмигранты расценивали сохранение русской культуры и собственной «русскости» как свою миссию; новые стремились как можно скорее ассимилироваться в новой стране. Это, а также различия в мировоззрении и образе жизни приводили к взаимному отталкиванию. Как вспоминал впоследствии один из «старых» эмигрантов, когда две волны встретились, они не понравились друг другу¹⁵.

Пристрастие к эстетике XIX века не переросло у Лахман в неприязнь к иным художественным исканиям молодых. Свидетельством тому является ее участие в Кружке русских поэтов в Нью-Йорке, имевшем межпоколенческий характер и объединявшем «старых американцев», которые приехали в США еще до Второй мировой войны или — как Лахман — в самом ее начале, и поэтов послевоенного времени. Под маркой Кружка вышли *Пленные слова* поэтессы, ее стихи вошли также в антологию поэзии русского зарубежья *Содружество*, изданную Кружком в 1966 году, и содержащую стихи 75 «представителей трех поколений русских людей, живущих в разных странах русского рассеяния»¹⁶. В ней были собраны произведения как корифеев первой волны (Георгий Адамович), так и художников, только начинавших свой творческий путь.

Указанные аспекты творческой стратегии Лахман показывают, что

[...] чисто хронологический подход к принадлежности того или иного автора к первой или послевоенной эмиграции имеет существенные недостатки и создает проблемы для выявления типологических особенностей литературы зарубежья¹⁷.

Причины запоздалого дебюта Лахман требуют более внимательного рассмотрения, так как он лишь в некоторой степени мог быть вызван теми внутренними, психологическими соображениями, на которые указывает Крейд и которые между строк можно прочитать в приведенных стихах поэтессы.

¹⁵ О. Р. Демидова, *Изгнание как посланье: Эстетизм и этос русской эмиграции*, Русская культура, Санкт Петербург 2015, с. 133.

¹⁶ *Содружество*, с. 7.

¹⁷ В. Агеносов, *К проблеме понятия послевоенной литературы русского зарубежья*, «Polilog. Studia Neofilologiczne» 2016, № 6, с. 280.

Во-первых, следует учесть бытовой уклад жизни в изгнании, который требовал от женщин не только быть, по традиции, хранительницей домашнего очага, но и обеспечить его материально. Интересно в этом контексте привести замечание Сергея Довлатова:

В эмиграции на каждом шагу дают о себе знать черты матриархата. Я знаю десятки семей, в которых именно женщине принадлежит главенствующая роль. Женщины более добросовестны и непритязательны. У них в большей степени развито чувство ответственности. Они даже физически выносливее. Поэтому женщины быстрее и легче адаптируются. Успешнее преодолевают языковой барьер. Лучше приспосабливаются к новым условиям. [...] Женщина работает по восемь часов. Три часа проводит в сабвее. [...] Вечером — дети, прачечная, супермаркет. И так далее... А мужчина тем временем размышляет о судьбах планеты. О будущем России. О путях демократии. Об издержках и преимуществах свободы. Мужчина вещает и пророчествует. Сеет разумное, доброе, вечное... Мужчина сеет, а женщина — пашет. На фабриках и в пиццериях. За три пятьдесят в час...¹⁸.

Полушуточное, но в то же время и пронизательное замечание писателя о женских и мужских стратегиях выживания на чужбине, сделанное им в 1980-е годы, можно соотнести и к первой волне русских эмигрантов. Автобиографическая проза и эпистолярный ее представительниц документируют бытовые затруднения, борьба с которыми отнимала у женщин силы и время для творчества. К примеру, Екатерина Бакунина вспоминала в своей автобиографии:

Пореволюционные годы и эмиграция — годы борьбы за хлеб и кров, а, бывало, и за жизнь. Самое тяжелое в них — отсутствие свободы в распоряжении временем и почти полная невозможность писать¹⁹.

Галина Кузнецова в дневнике записывала:

Ходила на базар, убирала дом, готовила завтрак, чай, мыла посуду и ничем другим заниматься уже не могла²⁰.

Возможно, такие «практические помехи»²¹ отстраняли от творческой активности и Лахман, у которой была собственная семья, муж и два сына.

¹⁸ С. Довлатов, *Марш одиноких*, <http://www.sergeidovlatov.com/books/marsh.html> (02.07.2021).

¹⁹ Цит. по: О. Р. Демидова, *Эмигрантские дочери...*, с. 7.

²⁰ Цит. по: там же.

²¹ Там же.

Во-вторых, нельзя исключить, что ее позднее появление в литературе было последствием общего тяжелого положения молодого поколения писателей и поэтов, названного Владимиром Варшавским «незамеченным». Об их горькой судьбе писал еще в 1930-е годы Владислав Ходасевич, в ряде статей (*Подвиг*, 1931; *О смерти Поплавского*, 1935; *Перед концом*, 1936) бывший тревогу по поводу гибели — в буквальном и литературном смысле — молодых, лишенных поддержки старших коллег и возможности печататься. Одну из причин он усматривал в «поразительном равнодушии» русской эмиграции к своей молодой словесности, в «величественном незамечании, оскорбительном невнимании» литературных «олимпийцев» к «детям»²². Об угрозе гибели целого литературного поколения писал и Георгий Адамович, который в очерке *Одиночество и свобода* (1956) раскаивался перед «экс-молодежью» (называя ее «подстарками») в грехе «отцов»:

Каждому из старших писателей в отдельности было бы несправедливо предъявить за «подстарков» счет, но все вместе они должны бы сознаться, что не оценили и не поддержали их самопожертвованного служения русскому духу и русской культуре. [...] Нельзя было воздвигать стену между «взрослыми, признанными» и «не-взрослыми», признавая ждавшими в возрасте, когда Пушкин уже давно был в гробу [...]»²³.

Неприязнь мастеров к «молодым» была в большой степени вызвана разным отношением к литературной традиции, к задачам литературы, к духовным основаниям творчества. Старшие писатели, для которых сохранение традиции имело громадный нравственный смысл, означая верность оставленной земле, не принимали попытки молодых разрушить эту традицию, выйти за ее пределы²⁴. «Молодые», не желая учиться у своих предшественников, и не подчиняясь усиленному давлению с их стороны продолжать «бунинско-шмелевско-купринскую традицию»²⁵, не имели возможности публиковать свои тексты. В результате некоторые из них отказывались от творчества,

²² В.Ф. Ходасевич, *О смерти Поплавского*, http://dugward.ru/library/poplavskiy/hodasevich_o_sm_poplav.html (28.10.2022).

²³ Г.В. Адамович, *Одиночество и свобода*, сост., посл. и примеч. О.А. Коростелев, Алетейя, Санкт Петербург 2002, с. 30–31.

²⁴ Ср.: А.И. Чагин, *Литература в изгнании: спор поколений // Литературное зарубежье: национальная литература — две или одна?*, ИМЛИ РАН, Москва 2002, с. 216–224.

²⁵ Н. Берберова, *Курсив мой. Автобиография*, Согласие, Москва 1996, с. 400.

или появлялись в литературе зарубежья «подстарками». К ним принадлежали, среди других, Антон Величковский, Тамара Величковская, Юрий Одарченко, Евгений Яконовский и Борис Пантелеймонов. Все родились в самом начале XX века, все начинали творчество после Второй мировой войны, «шагом как будто шатким, неуверенным и порою неверным»²⁶.

В творческой судьбе Лахман существенную роль сыграла и гендерная система русского зарубежья, с укорененными в ней, стереотипными представлениями о маскулинности и феминности и соответствующими им моделями социокультурного и речевого поведения. Поэзия эмигранток-ровесниц Лахман подвергалась многоуровневой дискредитации, прежде всего как литература эмигрантская,

[...] затем — как литература молодого поколения [...] и, наконец, как литература собственно женская²⁷.

В случае тех пишущих женщин, которым пришлось жить вдалеке от Парижа, пользовавшегося репутацией литературной столицы русской диаспоры, можно говорить также и о географической маргинализации. Заметим, что маршрут беженских скитаний Лахман составили города, которые не могли соперничать с «русским Парижем» интенсивностью литературной жизни. Берлин, где поэтесса поселилась после выезда из России, был крупным центром русской диаспоры лишь до середины 1920-х годов; Лозанна, куда поэтесса переехала во второй половине 1920-е годов²⁸, занимала довольно низкое место в эмигрантской социальной и культурной иерархии, как и Нью-Йорк, в котором Лахман оказалась в 1941 году и который в это время был провинциальным эмигрантским городом и превратился в столицу русской диаспоры лишь после Второй мировой войны²⁹.

Маргинализация женских произведений была непосредственным последствием патриархатного характера эмигрантской литературной жизни в целом. Поскольку редакторами,

²⁶ В. Ходасевич, *Колеблемый треножник. Избранное*, Советский писатель, Москва 1991, с. 580.

²⁷ О. Р. Демидова, *Эмигрантские дочери...*, с. 205.

²⁸ В. Крейд, *Лахман Гизелла...*, с. 190.

²⁹ О. Р. Демидова, *Изгнание как посланье...*, с. 132.

издателями и ведущими критиками периодических изданий в эмиграции были мужчины,

[...] в диаспоре не сложилось ни формальной, ни неформальной сферы собственно женской литературной коммуникации», [...] женщины-авторы были вынуждены применяться к мужской сфере, в которой существовали³⁰.

Эта маскулинность сказывалась и на восприятии женских произведений, носившем всегда более или менее выразительный оттенок «мужского чтения»³¹, оценки текста сквозь призму гендера рецензента. Типичными проявлениями дискредитирования написанного или опубликованного женщиной были: непризнание данного факта, предубеждение к способности женщин писать, умаление значимости женских произведений как безынтересных и не представляющих особенной ценности, их отнесение к второсортным видам и жанрам, а также упущение женской творческой традиции и сопоставление с мужским каноном³². Репрезентативно в этом отношении мнение Ходасевича, одного из самых влиятельных критиков первой волны. Он не только упрекал эмигрантских поэтесс в «формальном дилетантизме», в «недоразвитости поэтики, случайности и капризности», но и отрицал традицию русской женской поэзии в целом, толкуя ее как «[...] направление, которое трудно назвать вполне литературным»³³.

Указанные механизмы функционирования литературы русского зарубежья могли стать причиной позднего дебюта Лахман, ее нежелания заявить о своем поэтическом занятии, тем более выпустить «еще одну скучную книгу». Публикация стихов, особенно их целого сброника, всегда являющаяся для поэта «настоящим испытанием его литературной зрелости»³⁴, в случае молодой эмигрантки, представительницы маскулинизированной послеоктябрьской диаспоры, становилась шагом куда более решительным и нелегким. Значимость такого события состоит в том, что:

³⁰ О. Р. Демидова, *Эмигрантские дочери...*, с. 6.

³¹ N. K. Miller, *Subject to change. Reading feminist writing*, Columbia University Press, New York 1988, с. 57.

³² Шире см.: О. Р. Демидова, *Эмигрантские дочери...*

³³ В. Ходасевич, *Колеблемый треножник...*, с. 578–579.

³⁴ Л. Сеницкая, *Монахиня Мария. «Стихи»*. Издательство «Петрополис». Берлин, «Русское слово» 1939, № 113 (2230), с. 5, <http://www.russianresources.lt/archive/Senic/Senic2.html> (27.04.2014).

Книга стихов, изданная женщиной, может рассматриваться как еще одна попытка борьбы за присутствие в мужском мире: она является той площадкой, которая позволяет женщине создать многомерную картину, охватывающую и частную жизнь, и профессиональную сферу, связанную со словесным творчеством, и социально-политическую составляющую жизни, она разрушает язык «мужского» литературного «канона»³⁵.

Поэтическое творчество стало для Лахман пространством, в котором, преодолев внутренние и внешние затруднения, она приобретала исключительную возможность выражать себя через свой индивидуальный, женственный стиль³⁶. Художественные достоинства обоих сборников поэтессы, независимость ее поэтического мироощущения, отражающаяся среди других в интертекстуальной полемике с корифеями мужской литературы XIX века, свидетельствуют о том, что Лахман умело воспользовалась шансом уйти из мира «относительных существ», воспринимавших мир лишь через посредство мужчин, и получить статус автономного субъекта³⁷.

REFERENCES

- Adamovich, Georgiy Viktorovich. "Odnochestvo i svoboda." Sost., posl. i primech. Korostelev, Oleg Anatolyevich. Sankt Peterburg: Aleteya, 2002 [Адамович, Георгий Викторович. "Одиночество и свобода." Сост., посл. и примеч. Коростелев, Олег Анатольевич. Санкт Петербург: Алетея, 2002].
- Agenosov, Vladimir Venyaminovich. "K probleme ponyatiya poslevoennoy literatury russkogo zarubezhyu." [Агеносов, Владимир Вениаминович. "К проблеме понятия послевоенной литературы русского зарубежья"] *Polilog. Studia neofilologiczne*, 2016, no. 6: 279–289.
- Aleksandrov, Yevgeniy. *Ruskiye v Severnoy Amerike: Biograficheskiy slovar'*. Hamden — San-Francisco — Sankt Petersburg: Kongress russkikh amerikantsev — Sankt-peterburgskiy Gosudarstvennyy Universitet, 2005 [Александров, Евгений. *Русские в Северной Америке: Биографический словарь*. Хэмпден — Сан-Франциско — Санкт-Петербург: Конгресс русских американцев — Санкт-петербургский государственный университет, 2005].
- Barokovskaya, Nina Vladimirovna. Verina, Ulyana Yurevna. Gutrina, Lilya Dmitrevna. "Kniga-stikhov kak teoreticheskaya problema." *Filologicheskiiy klass*, 2014, no. 1 (35): 20–30 [Барковская, Нина Владимировна. Верина, Ульяна

³⁵ Н. В. Барковская, У. Ю. Верина, Л. Д. Гутрина, *Книга стихов как теоретическая проблема*, «Филологический класс» 2014, № 1 (35), с. 21.

³⁶ Н. Cixous, С. Clément, *The Newly Born Woman*, trans. В. Wings, introd. S.M. Gilbert, Manchester University Press, Manchester 1987, с. 85–86.

³⁷ N. K. Miller, *Subject to change...*, с. 55.

ТВОРЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ГИЗЕЛЫ ЛАХМАН...

- Юрьевна. Гутрина, Лилия Дмитриевна. “Книга стихов как теоретическая проблема.” *Филологический класс*, 2014, no. 1 (35): 20–30].
- Berberova, Nina. *Kursiv moj. Avtobiografiya*. Moskva: Soglasye, 1996 [Берберова, Нина. *Курсив мой. Автобиография*. Москва: Согласие, 1996].
- Brzykcy, Jolanta. “Emigratsyonnaya filosofiya puteshestviya Gizelly Lakhman (poeticheskiy tsikl ‘Putevaya tetrad’).” [“Эмиграционная философия путешествия Гизеллы Лахман (поэтический цикл ‘Путевая тетрадь’).”] *Przegląd Rusycystyczny*, 2022, no. 2: 121–140.
- Chagin, Aleksey Ivanovich. “Literatura v izgnanii: spor pokoleniy.” *Literaturnoye zarubezhye: natsional’naya literatura: dve ili odna?* Moskva: IMLI RAN, 2002: 216–224 [Чагин, Алексей Иванович. “Литература в изгнании: спор поколений.” *Литературное зарубежье: национальная литература — две или одна?*, Москва: ИМЛИ РАН, 2002: 216–224].
- Cixous, Hélène. Clément, Caroline (eds.). *The Newly Born Woman*. Trans. Wings, Betsy. Introduction Gillbert, Sandra M. Manchester: Manchester University Press, 1987.
- Demidova, Ol’ga Rostislavovna. “Emigranstkiye docheri i literaturnyy kanon russkogo zarubezhya.” *Pol. Gender. Kul’tura*. Moskva: RGGU, 2000, t. 2: 205–219 [Демидова, Ольга Ростиславовна. “Эмигрантские дочери и литературный канон русского зарубежья.” *Пол. Гендер. Культура*. Москва: РГГУ, 2000, т. 2: 205–219].
- Demidova, Ol’ga Rostislavovna. *Izgnan’ye kak poslan’ye: estezis i etos russkoy emigratsii*. Sankt Petersburg: Russkaya kul’tura, 2015: 194–207 [Демидова, Ольга Ростиславовна. *Изгнание как послание: эстетизм и этос русской эмиграции*. Санкт Петербург: Русская культура, 2015: 194–207].
- Dovlatov, Sergey. Marsh odinokikh [Довлатов, Сергей. *Марш одиноких*] <<http://www.sergeidovlatov.com/books/marsh.html>>.
- Fedoruk, Oleksandr Kasyanovych. “Lirichne divo Hizely Lakhman.” *Peretyn znaku: Vibrani mystetstvoznavchi statti: U 3 kn. Kn. 2: Ukrayins’ka kul’turolohiya. Istoriya ta teoriya mystetstva. Postati. Narodna tvorchist’.* Retsenziyi. Oleksandr Kasyanovych Fedoruk (Ed.). Kyuv: FENIKS, 2007: 9–26 [Федорук, Олександр Касьянович. “Ліричне диво Гізели Лахман.” *Перетин знаку: Вибрані мистецтвознавчі статті: У 3 кн. Кн. 2: Українська культурологія. Історія та теорія мистецтва. Постаті. Народна творчість. Рецензії*. Федорук, Олександр Касьянович (Ed.). Київ: ФЕНІКС 2007: 9–26].
- Ivanov, Georgiy Vladimirovich. “Poeziya i poety.” *Vozrozhdeniye*, 1950, no. 10: 179–82 [Иванов, Георгий Владимирович. “Поэзия и поэты.” *Возрождение*, 1950, no. 10: 179–182].
- Khodasevich, Vladislav. *Koleblemyu trenozhnik. Izbrannoye*. Moskva: Sovetskiy pisatel’: 1991 [Ходасевич, Владислав. *Колеблемый треножник*. Избранное. Москва: Советский писатель: 1991].
- Khodasevich, Vladislav Felitsyanovich. *O smerti Poplavskogo* [Ходасевич, Владислав Фелицианович. *О смерти Поплавского*] <http://dugward.ru/library/poplavskiy/hodasevich_o_sm_poplav.html>.
- Kreyd, Vadim. “Lakhman Gizella Sigizmundovna.” *Novyy istoricheskiy vestnik*, 2001, no. 3 (5): 190–192 [Крейд, Вадим. „Лахман Гизелла Сигизмундовна.” *Новый исторический вестник*, 2001, no. 3 (5): 190–192].
- Lakhman, Gizella. *Izbrannaya poeziya*. Kiyev: Triumf, 1997 [Лахман Гизелла, *Избранная поэзия*. Киев: Триумф, 1997]

- Ledenev, Aleksandr Vladimirovich. "O nekotorykh tendentsyakh stilevogo samoopredeleniya v russkoy literature pervoy volny emigratsii." [Леденев, Александр Владимирович. "О некоторых тенденциях стилистического самоопределения в русской литературе первой волны эмиграции."]. *Studia Rossica XII: Literatura rosjska na rozdrożach XX wieku*, Skrunda, Wiktor (Ed.). Warszawa: Wydawnictwo Studia Rossica, 2001: 99–115.
- Leving, Yuriy. "Akhmatova russkoy emigratsii" — Gizella Lakhman." *Novoye Literaturnoye Obozreniye*, 2006, no. 5: 164–173 [Левинг, Юрий. "Ахматова русской эмиграции" — Гизелла Лахман." *Новое Литературное Обозрение*, 2006, no. 5: 164–173] <<https://magazines.gorky.media/nlo/2006/5/ahmatova-russkoj-emigraczi-gizella-lahman.html>>.
- Mianovskaya, Yoanna, and Zvonareva, Lola, and Gerra, Rene. "Diskussiya: Vladimir Agenosov. Vosstavshye iz nebytiya. Antologiya pisateley Di-Pi i vtoroy emigratsii. Moskva-Sankt Peterburg 2014, 734 pp." [Мяновская, Иоанна. Звонарева, Лола. Герра, Рене. "Дискуссия: Владимир Агеносов. Восставшие из небытия. Антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции. Москва-Санкт Петербург 2014, 734 с."] *Polilog. Studia Neofilologiczne*, 2014, no. 5: 319–328.
- Miller, Nancy K. *Subject to change. Reading feminist writing*. New York: Columbia University Press, 1988.
- Senitskaya, Lidiya. "Monakhiniya Mariya. ‚Stikhi.‘ Izdatel'stvo Petropolis. Berlin." *Russkoye slovo*, 1939, no. 113 (2230): 5 [Сеницкая, Лидия. "Монахиня Мария. 'Стихи'. Издательство «Петрополис». Берлин." *Русское слово*, 1939, no. 113 (2230): 5] <http://www.russianresources.lt/archive/Senic/Senic_2.html>.
- Sodruzhestvo. Iz sovremennoy poezii Russkogo Zarubezhya*. Vashington: Izdatel'stvo Russkogo knizhnogo dela v SSHA Victor Kamkin Inc., 1966 [Содружество. Из современной поэзии Русского Зарубежья. Вашингтон: Издательство Русского книжного дела в США Victor Kamkin Inc., 1966].
- Struve, Gleb. *Russkaya literatura v izgnanii*. Parizh–Moskva: YMCA Press–Russkiy Put', 1996 [Струве, Глеб. *Русская литература в изгнании*. Париж-Москва: YMCA Press-Русский путь, 1996].